

ЛЛОЙД БИГЛ-младший

Памятник

Фантастическая повесть

1

ОБрайен вдруг осознал, что скоро умрет. Он лежал в прочном, сплетенном из стеблей вьющихся растений гамаке, и до него на самую малость не долетали брызги морских волн, которые разбивались о косу. У его локтя висела бутылка из выдолбленного плода с освежающим напитком. О'Брайен мирно подремывал,

убаюканным ощущением довольства и покоя, как вдруг его пронзила мысль о близости смерти, и он мгновенно проснулся.

Он скоро умрет.

Приближающийся уход из жизни взволновал его меньше, чем то, что мысль об этом не пришла ему в голову раньше. Иногда он пытался подсчитать, сколько ему лет. Сто — это уж точно, но, возможно, и все сто пятьдесят. В этом сказочном краю, где одно время года ничем не отличается от другого, где по ночам моросит дождь, а днем мягко пригревает солнце, где мерилом возраста служит мудрость, трудно, не сбываясь со счета, держать палец на едва слышном пульсе времени.

Но О'Брайен не нуждался в календаре — он и без него знал, что состарился. Его волосы, огненно-рыжие в молодости, давно поблекли и теперь цветом напоминали покрытое пятнами ржавчины железо. После дождливых ночей он по утрам не мог разогнуть суставов. Вокруг хижины, которую он некогда строил на живописном пригорке над мысом, выросла деревня, и она все росла по мере того, как его сыновья, внуки, правнуки, а теперь и праправнуки приводили сюда своих жен. Жизнь О'Брайена была долгой и счастливой. Он знал, что никогда не дожил бы до такого возраста в бешеном водовороте цивилизованного мира. Но теперь смерть на пороге, и ему уже не суждено осуществить ту великую мечту, которая, однажды зародившись, все больше завладевала им, пока он окончательно не постиг главный смысл своей жизни среди этого народа.

Он резко выпрямился, погрозил кулаком небу и на языке, на котором не говорил целую вечность, хрипло прокричал:

— Чего же вы медлите? Чего медлите?!

Когда О'Брайен вышел на берег, к нему, шлепая по мелко-воду, бросилась ватага мальчишек.

— Лангри! — наперебой восклицали они. — Лангри!

Они возбужденно запрыгали вокруг него, подняв над головами пойманных рыб в надежде услышать от него похвалу, размахивая копьями и радостно визжа.

О'Брайен указал рукой в ту сторону, где на песке у кромки воды лежало большое каноэ, выдолбленное из ствола сао.

— К Старейшине, — произнес он.

Дружно работая веслами, мальчики звонкими голосами запели песню — не какую-нибудь там шуточную и развеселую, а серьезную, ибо им было поручено важное дело. Лангри выразил желание повидаться со Старейшиной, и они должны были как можно быстрее доставить его к месту их встречи.

Утомленно привалившись к борту каноэ, О'Брайен смотрел на пляшущую под выносными уключинами пену. Теперь, когда годы неумолимо брали над ним верх, он утратил вкус к путешествиям. Так приятно нежиться в гамаке, потягивая из бутылки чуть бродящий фруктовый сок, играть роль мудреца и оракула, всеми почитаемого, даже ставшего в некотором роде объектом культа. В молодости он исходил эту землю вдоль и поперек. Он даже построил небольшое парусное судно и совершил кругосветное путешествие, но открыл лишь несколько пустынных островов. Он без устали скитался по единственному

на этой планете материку, составляя его карту и пытаясь определить на глазок, какие тут есть природные богатства.

О'Брайен считал себя человеком заурядным, удел которого — до конца жизни быть в подчинении у людей более значительных. Благоговение местных жителей перед его якобы непревзойденной мудростью тревожило его и вызывало в нем чувство неловкости. В силу обстоятельств ему помимо воли приходилось решать сложные социологические и экономические проблемы, но поскольку он в прошлом повидал немало цивилизаций и кое-что из виденного осталось у него в памяти, то весьма успешно справлялся со своей задачей и при этом нисколько не возгордился.

Но О'Брайен знал, что беспощадный перст судьбы нацелен на эту планету и ее жителей, и, совершая длинные прогулки по берегу моря, напряженно размышлял, мысленно спорил с самим собой; туманными ночами он мерил шагами свою хижину, придумывая одну уловку хитрей другой, и наконец составил план, который его удовлетворил. Во всем необъятном космосе он один мог спасти этот полубившийся ему мир, этот дорогой его сердцу народ — теперь он знал, как отвести беду. Живой, он наверняка сумел бы предотвратить катастрофу. Но он умирал.

Когда сумерки туманом затянули морскую даль, каноэ свернуло в мелкий залив и, миновав полосу прибоя, вплотную подошло к широкому, плавно поднимавшемуся из воды берегу. Мальчики выскочили из лодки и втащили ее на пологий склон. Обессиленные, они упали на песок, но уже через минуту вскочили на ноги, сияя от гордости. В какую бы они ни зашли хижину, сегодня везде их будут встречать с почетом. Разве не они привезли Лангри?

Растянувшись в процессию, они двинулись через деревню, и с каждой хижинкой, мимо которой они проходили, шествие становилось все многочисленнее. Взрослые — с выражением глубокого почтения и охваченные благоговейным трепетом дети выходили на улицу и торжественно следовали за О'Брайеном. Хижина Старейшины стояла в отдалении от остальных, на вершине холма, и сам он, воздев к небу руки, ждал их там с улыбкой на морщинистом лице. Не дойдя до него шагов десять, О'Брайен остановился и тоже поднял руки. Жители деревни притихли, не спуская с них глаз.

— Привет тебе, — сказал О'Брайен.

— Слышать твое приветствие столь же приятно, как видеть тебя.

— В надежде на твой приезд я распорядился устроить пир.

— А меня привела сюда надежда попить с тобой.

О'Брайен приблизился к Старейшине, и они пожали друг другу руки. Ритуал был выполнен, и жители деревни, вполголоса обмениваясь одобрительными замечаниями, начали медленно расходиться. Старейшина взял О'Брайена за руку и повел его мимо хижины в маленькую рожицу, где между деревьями были развешаны гамаки. Молодая девушка принесла им сосуды

из выдолбленных плодов, и они, потягивая напиток, отдыхали в молчании, пока не сгустилась тьма.

— Лангри ведь больше не путешествует, — наконец сказал Старейшина.

— Лангри пускается в путь, когда он чем-то озабочен.

— Так поговорим о том, что тебя заботит.

— Я стар, — произнес О'Брайен.

— Ты старше всех, — согласился Старейшина.

О'Брайен слабо улыбнулся. Для местных жителей слово «старый» означало «мудрый». Старейшина сделал ему величайший комплимент, а он не почувствовал в душе ничего, кроме пустоты и усталости.

— Я стар, — повторил он, — и я скоро умру.

Старейшина быстро повернулся к нему.

— Никто не живет вечно, — сказал О'Брайен.

— Верно. Но тот, кто боится смерти, умирает от страха.

— Я боюсь не за себя.

— Значит, Лангри заботится не о себе. Однако ты сказал мне, что чем-то озабочен.

— Это твоя забота. Забота всего твоего народа, который стал и моим.

Старейшина медленно кивнул.

— Мы всегда внимательно прислушиваемся к словам Лангри.

— Ты ведь помнишь, — сказал О'Брайен, — что я прибыл сюда издали и остался у вас потому, что корабль, который доставил меня сюда, больше не мог летать. Я попал в ваши края случайно — сбился с пути, а мой корабль тяжело заболел.

— Помню.

— Сюда прилетят и другие. Потом еще и еще — много, много других. Люди с неба завладеют этой землей, отберут у нас побережье и даже море. Они оттеснят наших соплеменников к холмам, а там, в непривычных условиях, им придется очень туго. Чужеземцы привезут сюда неведомые болезни, и в деревнях будут пылать погребальные костры. Пришельцы выстроят здесь хижины выше самых высоких деревьев, и нашему народу придет конец.

— Ты уверен, что этого не избежать?

О'Брайен кивнул.

— Это произойдет не сегодня и не завтра, но произойдет неминуемо.

Какое-то время оба молчали — два старика под сияющим солнцем, к которым уже подступала вечная тьма. О'Брайен протянул руку, сорвал со стеблей несколько цветков и растер между ладонями их хрупкие белые лепестки.

Старейшина повернул к О'Брайену опечаленное лицо.

— Лангри не может предотвратить это несчастье?

— Лангри сможет предотвратить его, — ответил О'Брайен, — если люди с неба появятся здесь сегодня или завтра. Если же они задержатся, Лангри ничем не сумеет помочь, потому что Лангри скоро умрет.

— Теперь я понял. Лангри должен указать нам правильный путь.

— Этот путь необычен для вас и труден.

— Мы сделаем все, что ты найдешь нужным. Чего требует Лангри?

О'Брайен встал.

— Пришли ко мне молодых мужчин, но не всех сразу — пусть одновременно приходит столько, сколько пальцев на четырех руках. Я выберу из них тех, кто мне подойдет.

О'Брайен не знал официального названия этой планеты, не знал даже, есть ли оно у нее вообще. Он был всего-навсего скромным механиком, но механиком отличным, а в космосе он болтался с двенадцати лет. В конце концов ему осточертело быть у всех на побегушках, и он присмотрел для себя старый, видавший виды патрульный корабль правительственного космофлота, запасся продовольствием и дал диспетчеру пятьсот кредиток за то, чтобы тот отвернулся, когда он будет взлетать. Ему хотелось посетить места, лежавшие в стороне от регулярных космолиний, и, пока не иссякнут запасы продовольствия, насладиться своим независимым положением. Порты, где садились рейсовые корабли, были для него закрыты, ибо он не мог предъявить властям права на вождение космолета, которых у него, естественно, не было. Но кое-какие частные космодромы всегда нуждались в хорошем механике, и бывало, что он, потихоньку совершив посадку в ночное время, нанимался на одну-две недели, чтобы на заработанные деньги пополнить запас продовольствия и горючего. Потом он так же незаметно уходил обратно в космос.

Не забывал он и о геологических изысканиях, обрыскав с дюжину всеми забытых или еще не открытых астероидов, лун и планеток. Каким-то чудом он однажды наткнулся на богатое месторождение платиновой руды, загрузил ею свой маленький корабль и полетел назад к цивилизованным мирам, чтобы обрратить в деньги свалившееся на него богатство.

Как не раз уже случалось, он заблудился и целый месяц бесцельно бороздил просторы космоса, пока не наткнулся на эту маленькую планету, и, не зная еще, что кончилось горючее, едва не разбился при посадке.

Местные жители встретили его радушно. Вскоре он стал в их глазах героем, полностью истребив своим огнедышащим оружием больших хищных птиц, которые иногда нападали на детей. Он обследовал единственный на планете континент и обнаружил залежи угля и кое-каких металлических руд — незначительные, но достаточные для того, чтобы население планеты без проволок вступило в бронзовый век.

К этому времени он уже не чувствовал себя человеком, потерпевшим кораблекрушение, который ждет не дожждется, когда его наконец спасут. Он уже стал Лангри — «Пламенноволосым», обзавелся женами и детьми. Когда он был еще сравнительно молод, ему предложили стать Старейшиной, но его коробило от мысли, что этим народом будет управлять чужеземец. После того как он отклонил это предложение, аборигены прониклись к нему еще большим уважением. Он жил в мире и счастье.

Но мало-помалу его начало грызть беспокойство. Залежи по-

лезных ископаемых на планете были столь скудны, что на них не польстился бы ни один грабитель. Ей не было цены совсем по другой причине. Это был мир красоты и гармонии. Ровные песчаные берега, теплое море, чудесный климат. Людям, жившим в суровых условиях планет, природные богатства которых привлекали несметное множество поселенцев, — планет безводных и бесплодных, как пустыня, планет, лишенных атмосферы, — такой мир показался бы раем. И оборотистые дельцы стали бы застраивать эту планетку роскошными отелями, пансионатами и коттеджами. На пляжах теснилось бы немыслимое количество отдыхающих, к услугам которых всегда были бы прогулочные катера и яхты. Местных жителей согнали бы с насиженных мест, а затем и уничтожили. Существовали, конечно, законы по охране прав аборигенов, но О'Брайен слишком хорошо знал, чем все это оборачивается на деле.

Из всех деревень к О'Брайену начали съезжаться юноши. Высокие, бронзовокожие, они вытаскивали свои каноэ на берег и, исполненные глубокого почтения, шли в деревню, чтобы предстать перед Лангри.

Его вопросы ошеломяли их. Они мучительно напрягали умы, чтобы постичь смысл чуждых им идей. Они старательно повторяли за Лангри невероятно трудные для произношения звуки. Они проходили испытания на силу и выносливость. Они приезжали и уезжали, одних сменяли другие, пока наконец О'Брайен не отобрал для своей цели сотню юношей.

В глубине леса О'Брайен выстроил новую деревню. Он поселился в ней со своими учениками и приступил к занятиям. О'Брайен учил тому, что знал сам, а когда возникала необходимость, даже импровизировал. Он обучал языку, юриспруденции и точным наукам. Он преподавал юношам экономику, социологию, военное искусство. Он учил, как вести партизанскую войну, и разъяснял принципы колониальной системы. Он рассказывал об истории народов Галактики, и юные аборигены, изумленно вглядываясь в усыпанное звездами небо, слушали его повествование о страшных космических войнах, фантастических существах и бесконечности миров.

Один за другим уходили дни — из них сложился год, потом два, три... Возмужавшие юноши привели в деревню жен. Молодые пары называли О'Брайена отцом и приносили к нему для благословения своих первенцев. Обучение шло своим чередом, однако силы О'Брайена иссякали. Его знобило от ночной сырости, немало страданий причиняли отекавшие руки и ноги. Но он все работал и работал, и пришло время, когда он начал обучать тому, что входило в его План, который медленно, но верно обретал четкость и доходил до сознания его будущих исполнителей.

В один из дней, когда солнце клонилось к закату, О'Брайен потерял сознание. Его перенесли в его деревню, в ту самую рощицу у моря, которую он так любил. По побережью разнеслась весть: Лангри умирает. Приехали Старейшина и старосты всех деревень. Они натянули над его гамаком плетеный тент, и он прожил ночь, тяжело дыша и не приходя в сознание, а

собравшиеся вокруг него местные жители замерли в ожидании, смиренно склонив головы. Утром же на берегу высоко взметнулось пламя погребального костра, и, погруженная в траур, безмолвно скорбела деревня. А на следующий день сто молодых мужчин вернулись в свое лесное селение и, раздираемые сомнениями, преодолевая огромные трудности, приступили к окончательному усвоению того, что завещал им Лангри.

2

Корабль военного космолота «Рирга» совершал обычный патрульный полет, и капитан Эрнст Диллингер безмятежно отдыхал в своей каюте, играя в шахматы со специально запрограммированным роботом. Он искусно загнал в ловушку робота ферзя и уже сделал ход, грозивший этому ферзю неминуемой гибелью, как вдруг игру прервало появление старшего радиста.

Радист отсалютовал и подал Диллингеру радиограмму.

— Секретная, — сказал он.

По извиняющемуся тону радиста и скорости, с которой тот направился к выходу из каюты, Диллингер понял, что получены дурные вести. Радист уже закрывал за собой дверь, когда Диллингер, бросив взгляд на текст радиограммы, резко выпрямился и взревел, как раненое животное. Этот рев мгновенно вернул радиста в каюту.

Диллингер постучал пальцем по бумаге.

— Это ведь приказ губернатора того сектора, в котором мы сейчас находимся, верно?

— Да, сэр.

Старший радист постарался, чтобы это прозвучало так, будто слова Диллингера были для него в какой-то степени откровением.

— Корабли военного космолота не подчиняются бюрократам и всяким безответственным политикам. Соблаговолите объяснить губернатору в радиограмме, что приказывать мне может только Генеральный штаб, а тот факт, что я сейчас пересекаю подведомственную этому губернатору территорию, не дает ему права контролировать и направлять мои действия.

Радист, порывшись в карманах, достал блокнот.

— Не будете ли вы так любезны, сэр, продиктовать мне текст ответа...

— Я вам только что сказал, в чем он заключается. Вы радист. Разве вы недостаточно владеете языком, чтобы суметь в вежливой форме послать этого губернатора ко всем чертям?

— Полагаю, сэр, что я с этим справлюсь.

— Так ступайте. И пришлите сюда лейтенанта Протца.

Старшего радиста как ветром сдуло.

Через минуту в каюту вошел лейтенант Протц, с улыбкой взглянул на грозно нахмуренное лицо Диллингера, преспокойно уселся в кресло, спросил:

— Неприятности в какой-нибудь колонии?

— Хуже. У губернатора сектора пропало четыре разведывательных космолета. Мало того, так он еще имеет наглость при-

казать мне заняться их поисками. Это надо же, он мне приказывает! Я велел радисту поставить его в известность, что корабли военного космолота подчиняются только приказам своих вышестоящих инстанций, но у него в распоряжении достаточно времени, чтобы связаться со штабом и добиться приказа оттуда.

Протц потянулся за радиограммой.

— Стало быть, на поиски разведчиков они хотят послать военный космолет. — Он прочел текст полученного сообщения и усмехнулся. — Задача могла оказаться и посложней. Похоже, что все четыре корабля мы найдем сразу и в одном месте. Когда пропал первый, они отрядили на поиски второй. Затем третий и четвертый. И ни один из них не вернулся...

Диллингер кивнул.

— Странная история, верно?

— Аварии тут, пожалуй, можно исключить. Эти корабли достаточно надежны, и едва ли все четыре одновременно вышли из строя. А может, на одной из планет этого сектора цивилизация достигла уровня примитивной космонавигации и там сейчас охотятся за нашими кораблями?

— Кто его знает, — сказал Диллингер. — Впрочем, это маловероятно. В секторе, правда, изучено не более одной десятой планет, однако составлена его подробная карта. Мне думается, мы найдем все четыре разведчика на какой-то пока неизвестной нам планете. Такое впечатление, будто все они не вернулись на базу по одной и той же причине. Сумеет ли мы помочь им пока сказать трудно. Неисследованная планета подчас преподносит самые неприятные сюрпризы. Спуститесь в штурманскую рубку и прикиньте по карте, где рациональнее вести поиск. Кто знает, а вдруг нам повезет?

Им действительно повезло. В солнечной системе, к которой направилась «Рирга», оказалась всего одна обитаемая планета с единственным узким континентом, расположенным в субтропическом поясе. С первого же облета они засекли четыре сверкавших под солнцем разведывательных корабля, которые чинно выстроились на небольшой прибрежной возвышенности.

Громада «Рирги» тяжело опустилась на побережье в тысяче ярдов от кораблей-разведчиков. Как водится, был произведен анализ проб воздуха, почвы, воды. Специальная команда тщательно осмотрела посадочную площадку, а группа солдат под прикрытием стрелков, державших наготове оружие, отправилась обследовать разведывательные корабли. Диллингер все это время оставался в каюте.

Внезапно из интеркома раздался голос Протца.

— Капитан, вы у себя? Мы нашли местного жителя. Он хочет побеседовать с капитаном корабля. Притом он говорит на галактическом языке, — добавил Протц. — Сейчас его ведут сюда. Что с ним делать дальше?

— Поставьте палатку. Я встречу его, как положено по ритуалу.

Чуть погодя во всем великолепии своей украшенной орденами лентами парадной униформы Диллингер быстро спустился по трапу. Палатка уже стояла, и вокруг нее выстроился почетный караул. Диллингеру показалось, что все присутствующ-

щие прилагают усилия, чтобы сохранить на лицах приличествующее такому случаю торжественное выражение. Через минуту он понял, в чем причина: на аборигене была лишь набедренная повязка из какой-то странной ткани. Его рыжие волосы пламенели в лучах солнца.

Одетый в полную парадную униформу Диллингер понял юмор ситуации и улыбнулся. Абориген с серьезным лицом уверенно шагнул ему навстречу и протянул руку.

— Здравствуйте. Мое имя Форни.

— Капитан Диллингер, — почти машинально представился Диллингер.

Он отступил в сторону, церемонно пропуская аборигена вперед. За ними, вытянувшись цепочкой, проследовали офицеры.

Абориген, даже не присев, сразу обратился к Диллингеру.

— Мой печальный долг сообщить вам, что вы и экипаж вашего корабля арестованы.

Диллингер тяжело опустился на стул и посмотрел на Протца. Тот ухмылялся и подмигнул ему. Стоявший за его спиной офицер не сдержал смеха. Рыжий абориген, вооруженный одним лишь тупым копьем, спокойно подходит к ним и берет под арест «Риргу». Станешь кому рассказывать, так ведь никто не поверит.

Однако Диллингер оставил без внимания подмигивание Протца.

— В чем мы обвиняемся?

Абориген монотонной скороговоркой перечислил пункты обвинения:

— Посадка в запретной зоне; намеренное уклонение от таможенного осмотра и карантина; попытка избежать посадки в специальном иммиграционном пункте под контролем властей; возможный провоз контрабанды и ношение оружия без особого на то разрешения. Прошу следовать за мной — я провожу вас к месту заключения.

Протц сразу посерьезнел.

— Он не мог так обучиться языку у членов экипажей кораблей-разведчиков, — прошептал он. — Сведения об исчезновении первого из них поступили всего месяц назад.

Диллингер повернулся к окружавшим его офицерам.

— Оставить улыбки. Тут не до шуток.

Улыбки вмиг исчезли.

— Разве вы, дураки, не видите, что этот человек представляет в своем лице гражданскую власть? При отсутствии специальной договоренности военный персонал подчиняется законам каждой планеты, где есть централизованное правительство. Если же на планете несколько автономных правительств... — Он повернулся к аборигену: — Эта планета управляется из одного центра?

— Да, — ответил тот.

— Экипажи кораблей-разведчиков находятся под стражей?

— Да.

— Покажите всем вернуться на «Риргу», — сказал Диллингер Протцу. И, обернувшись к аборигену, добавил: — Вы, несомненно, понимаете, что я должен проконсультироваться со своим начальством.

На подготовку к официальным переговорам у Диллингера ушло восемь дней. Перед началом совещания он попросил, чтобы ему разрешили свидание с одним из членов экипажей кораблей-разведчиков. Местные жители привели в палатку загорелого здоровяка в такой же, как у них, набедренной повязке. Увидев Диллингера, здоровяк застенчиво улыбнулся.

— Не очень-то я рад нашей встрече, капитан.

— Как здесь с вами обращаются?

— Придаться не к чему. Лучшего и пожелать нельзя. Питание потрясающее. У них тут есть один напиток — клянусь, ничего подобного не сыщешь во всей Галактике. Они выстроили для нас хижины на берегу моря, объяснили, где нам можно гулять и чем разрешено заниматься, а потом предоставили нас самим себе. Местных жителей мы почти не видим, если не считать тех, кто приносит нам еду.

— Никто из вас не был ранен?

— Нет. Нас застигли врасплох и сразу отобрали оружие. Вот и все. Точно так же они поступили с другими экипажами.

— Я узнал все, что меня интересовало, — сказал Диллингер.

Арестованного увели, и Диллингер начал переговоры. Он сидел за столом; справа и слева от него — по одному офицеру с «Рирги». Форнри и два молодых аборигена заняли места напротив.

— Я уполномочен безоговорочно принять предъявленные вами претензии, — произнес Диллингер. — За нарушение ваших законов будет уплачен соответствующий штраф. В Галактический банк на счет вашего правительства переведено четыреста тысяч кредиток.

Он передал через стол документ на право получения этой суммы. Форнри с невозмутимым видом принял из его рук бумагу.

— Эта планета будет признана независимой, — продолжал Диллингер. — Галактическая Федерация с должным уважением отнесется к ее законам, которые при разрешении конфликтов будут учитываться федеральными судами. Ваше правительство получит от нас оборудование для радиостанции, что даст вам возможность поддерживать связь с Федерацией, а кораблям — получать официальное разрешение на посадку. Мы же со своей стороны надеемся, что вы немедленно освободите арестованных членов экипажей, вернете конфискованное оборудование и дадите разрешение на вылет всех задержанных вами кораблей Федерации.

— Мы выполним ваши условия, — сказал Форнри, — если пункты соглашения будут изложены в письменной форме.

— Мы немедленно приступим к подготовке этого документа, — сказал Диллингер. — Лейтенант Протц, распорядитесь, чтобы подготовили текст соглашения.

Протц кивнул и встал.

— Погодите, — спохватился Диллингер. — Мы упустили из виду одну деталь. Вашей планете нужно дать официальное название. Как вы ее именуете?

Лицо Форнри выразило недоумение.

— Что вы сказали, сэр?

— До настоящего времени для нас ваша планета была лишь точкой пересечения определенных координат и обозначалась цифрой. Теперь же ей следует дать имя. Лучше б вы это сделали сами, иначе название для нее придумает кто-нибудь другой, а вам оно может не понравиться. Вы вправе дать своей планете любое имя, какое вам придется по вкусу.

— Нам нужно обсудить это, — помедлив, произнес Форнри. Через три часа «Рирги» уже был в космосе, взяв курс на планету Фрон, где находилась столица сектора.

Прилетев на Фрон, Диллингер подал рапорт губернатору сектора.

— Они называли свою планету Лангри, — задумчиво произнес губернатор. — Однако... по вашим словам, они говорят на галактическом языке, так?

— Говорят, и довольно прилично, с легким провинциальным акцентом.

— Ну, это легко объяснимо. Когда-то, много лет назад, на планету сел какой-то космолет. Людям это местечко пришлось по душе, и, вероятно, они остались там навсегда. Вы не заметили на планете ничего, что подтвердило бы мою версию?

— Нет. На планете мы видели только то, что они сочли возможным показать нам.

— Понятно. Положение у вас там было щекотливое, ничего не скажешь. Само собой, вас никто за это не винит. Но что касается экипажей кораблей-разведчиков... — Он покачал головой. — И все-таки для меня загадка, каким образом они учили галактический язык. Обычно это иноземцы, если только их не целая армия, обучаются языку аборигенов, а не наоборот.

— Ума им не занимать, — сказал Диллингер. — Они приперли нас к стенке и заключили выгодную для себя сделку — и при всем при том вели себя вполне корректно. Кстати, я получил приказ отвезти на Лангри посла и персонал постоянного Представительства Федерации.

Через неделю Х. Хэрлоу Уэмблинг, посол правительства Федерации на планете Лангри, вразвалку поднялся по трапу «Рирги», важно выпятив свое жирное брюхо, словно почетный орден, который он надел по случаю некой торжественной церемонии. Он за что-то придрался к дежурному офицеру, облаял корабельную прислугу, а когда Диллингер, желая засвидетельствовать свое почтение, зашел к нему в каюту, Уэмблинг потребовал, чтобы на время его пребывания на борту «Рирги» к нему в качестве камердинера приставили одного из членов экипажа военного космолета.

Диллингер выскочил из его каюты, стирая со лба пот, и в таких недвусмысленных выражениях высказал Протцу свое мнение о после, что старший помощник командира вытаращил глаза и задумчиво поскреб затылок.

— И вы собираетесь выполнить его требование? — спросил Протц.

— Я сказал ему, — ответил Диллингер, смакуя каждое слово, — я сказал этому типу, что единственный человек на борту, который мог бы выкроить время для такой работы, — это

я сам, а у меня нет соответствующей квалификации. Вот дрянь! Стыда не оберешься!

— Да черт с ним, мы ведь очень скоро от него избавимся.

— А жители Лангри? Конечно, мы тут ни при чем, это уже относится к политике, но все же...

— По-моему, все обойдется. Как правило, подобные политики долго не удерживаются на своих постах. Да и вообще это не наша забота.

— А меня это тревожит, — сказал Диллингер. — Переговоры вел не кто-нибудь, а я, и соглашение с Лангри подписал тоже я. Поэтому я чувствую себя в какой-то степени ответственным за последствия.

Они благополучно доставили на Лангри посла Уэмблинга и персонал постоянного Представительства Федерации. Перед самым отлетом «Рирги» разразился скандал — в последнюю минуту Уэмблинг вдруг потребовал, чтобы половина экипажа космолета осталась на планете охранять Представительство. А потом они снова ушли в космос, чтобы вернуться к исполнению своих прямых обязанностей и, как заметил Диллингер, навсегда выбросить из головы планету Лангри.

Но сам он о ней не забыл и в последующие за тем месяцы и годы не раз грезил о золотистых берегах ее материка, о кишашем рыбой море и воздухе, напоенном ароматом цветов.

3

Капитан-лейтенант Джеймс Вориш, командир линейного косморейсера «Хилн», получив приказ, изменил курс своего корабля, чтобы сесть на Лангри, дабы «навести порядок и взять под защиту граждан Федерации и их собственность», как было сказано в радиোগрамме. Вориш обсудил эту новость с лейтенантом Робертом Смитом, спросив его заодно, что это за планета Лангри.

— Наверное, дыра какая-нибудь, — пожал плечами, сказал Смит.

Однако когда они прилетели на Лангри и вышли из корабля, то оказалось, что Вориш никогда в жизни не видел места красивее. Над узкой полоской берега шатром раскнулись ветви деревьев с блестящей светло-зеленой листвой. Цветы изящно закрыли свои нежные лепестки, когда к вечеру их покинуло солнце. Лениво плескались у берега волны моря, такого синего, что при взгляде на него захватывало дух.

Но все это портил выпирающий из сумерек огромный уродливый скелет строящегося здания. Вечерняя смена работала споро и шумно. По побережью разносился лязг металла и глухие удары. Тарахтели и ухали машины. Рассеянное неяркое освещение милосердно скрывало от глаз ущерб, который строительные работы нанесли девственному лесу.

Да тут еще этот Уэмблинг, который все говорил и говорил...

— Ваш долг — охранять жизнь и собственность граждан Федерации...

— Безусловно, — согласился Вориш. — В разумных пределах, конечно. Для защиты сооружений, которые вы просите установить здесь, потребовалась бы целая дивизия и оборудо-

вание стоимостью в миллион кредиток. Но даже при этом условии защита не будет достаточно надежной. Вот вы говорите, что аборигены появляются со стороны моря. Это значит, что следовало бы расставить посты вокруг всего полуострова.

— Они бессовестные негодяи, — заявил Уэмблинг. — Мы имеем полное право требовать, чтобы нас охраняли. Я не смогу удержать здесь рабочих, если они постоянно будут трястись за свою жизнь.

— Сколько вы потеряли людей?

— Ни одного человека.

— Никаких потерь в живой силе? А как обстоит дело с собственностью? Они портят ваше оборудование, растаскивают стройматериалы?

— Нет, — ответил Уэмблинг. — Но только потому, что мы все время настороже. Пришлось половину рабочих превратить в полицейских.

— Посмотрим, что тут можно предпринять, — произнес Вориш. — Сперва мне необходимо ознакомиться с обстановкой, а потом мы вернемся к этому разговору.

Уэмблинг подозвал двух дюжих телохранителей и поспешил прочь. Вориш прошелся вдоль берега, ответил на приветствие часового, отдавшего честь, остановился и устремил взгляд в сторону моря.

— Там нет ни души, — сказал часовой. — Местные жители...

Он прервал фразу, кого-то окликнул, потом снова отдал честь. Это по положому склону к ним спустился Смит. Он кивнул Воришу и повернулся лицом к западу.

— Что вам удалось разведать? — спросил Вориш.

— Обстановка довольно-таки странная. Взять хотя бы эти «рейды», о которых нам Уэмблинг уши прожужжал... Как правило, аборигены появляются здесь поодиночке и без оружия. Какой-нибудь местный парень пробирается на строительную площадку и пытается помешать строительству — к примеру, ложится на землю перед движущимся механизмом, либо откалывает еще что-нибудь в том же роде — и приходится останавливать работу, пока его не прогонят назад в лес.

— После того как я пообщался с Уэмблингом, мои симпатии на стороне местных жителей. Но я подчиняюсь приказу. Весь полуостров будет огражден линией сторожевых постов, и еще несколько часовых мы поставим на строительной площадке. На большее у нас нет возможностей.

— Да, чуть не забыл, — сказал Смит, — вас хочет видеть какой-то местный житель. И вы знаете... он вполне прилично говорит на галактическом языке.

— Час от часу не легче. Приведите его.

Когда аборигена привели, он назвал себя Форнри и уверенно пожал Воришу руку.

— Как я понимаю, — произнес он, — вы являетесь офицерами Военного Космофлота Галактической Федерации Независимых Миров. Правильно?

Вориш не сразу оторвал от аборигена изумленный взгляд и ответил утвердительно.

— От имени моего правительства, — заявил Форнри, — я прошу вас помочь нам изгнать с нашей планеты захватчиков.

— Черт побери! — вырвалось у Смита.

Прежде чем ответить, Вориш внимательно взгляделся в серьезное лицо молодого аборигена.

— Говоря о захватчиках, — произнес он, — вы имеете в виду развернутые сейчас здесь строительные работы?

— Да, — ответил Форнри.

— Вашу планету Федерация отнесла к классу ЗС, поэтому она подчиняется законам Управления колоний. Акционерное общество «Уэмблинг и Компания» получило от Управления документ, подтверждающий его право на реализацию на вашей планете предложенного им проекта застройки.

Форнри заговорил, медленно и четко произнося каждое слово:

— Мое правительство заключило договор с Галактической Федерацией Независимых Миров. Этот договор гарантирует планете Лангри независимость, а также помощь Федерации в случае, если на Лангри будет совершено нападение из космоса. Я призываю Галактическую Федерацию Независимых Миров выполнить взятое на себя обязательство.

— Заглянем-ка в справочник, — сказал Вориш, обращаясь к Смигу.

Он достал толстый тяжелый том, пробежал глазами оглавление и нашел страницу со сведениями о Лангри.

— «Первое ознакомление с планетой и установление контакта с населением — ...84 г.», — прочел он. — Следовательно, это произошло четыре года назад. «Отнесена к классу ЗС в сентябре ...85 года». И ни слова ни о каком договоре.

Форнри вытащил из-за пояса полированную деревянную трубку и вытряс из нее свернутый лист бумаги. Он передал его Воришу, который развернул этот лист и разгладил. То была аккуратно переписанная копия какого-то, по всей видимости официального, документа. Вориш взглянул на дату и сверился со справочником.

— Документ подписан в июне... 84 года, — сказал он Смигу. — Через полтора месяца после установления контакта. В нем планета Лангри отнесена к классу 5X.

— Это не фальшивка?

— Похоже, что документ подлинный. Не думаю, чтобы они сумели сочинить такой текст. А у вас есть оригинал этого документа?

— Да, — ответил Форнри.

— Разумеется, оригинал он не принес. Вероятно, он нам не доверяет, за что, кстати сказать, я его не виню.

Он передал бумагу Смигу, который внимательно просмотрел ее и вернул назад.

— Странно, что планету классифицировали спустя полтора года, после первого контакта с населением. Если этот документ подлинный, значит, в... 85 году Лангри переклассифицировали.

— В справочнике ничего не сказано о повторной классификации, — заметил Вориш. Он повернулся к Форнри: — Пока нас не послали сюда, мы даже не слышали, что существует

планета Лангри, и мы, естественно, не знаем, при каких обстоятельствах ее классифицировали. Расскажите, как было дело.

Форнри кивнул. Он говорил на галактическом прилично, но с каким-то своеобразным акцентом. Иногда он замолкал, подыскивая нужное слово, но его повествование было понятно и достаточно выразительно. Форнри рассказал о прилете первых кораблей-разведчиков, о том, как были взяты в плен их экипажи, о переговорах с офицерами «Рирги». Описание последующих событий заставило его слушателей нахмуриться.

— Уэмблинг? Уэмблинг был здесь первым послом?

— Да, сэр, — сказал Форнри. — Он издевался над нашим правительством, оскорблял мужчин, приставал к женщинам. Мы попросили правительство Федерации убрать его отсюда, и его отозвали.

— Должно быть, он пользуется большим влиянием в политических кругах, — произнес Смит. — Ему ведь удалось добиться перекалфикации планеты, а сам он получил немалые привилегии. Он хорошо отомстил за якобы нанесенное ему оскорбление.

— Или же просто-напросто учуял, что здесь можно нажить большой капитал, — возразил Вориш. — Ваше правительство было официально оповещено о расторжении договора и перекалфикации планеты Лангри?

— Нет, — сказал Форнри. — Уэмблинга сменил другой посол, некий мистер Гормэн. У него с моим народом сложились добрые, дружеские отношения. Но однажды прилетел космолет и увез его и остальных служащих Представительства. Нам же никто ничего не сказал. Потом здесь снова появился Уэмблинг, а с ним много космолетов и много людей. Мы попросили его покинуть нашу планету, но он только посмеялся над нами и начал строить отель.

— Он занимается этим уже около трех лет, — заметил Вориш. — А сделано не очень-то много.

— Мы наняли адвоката — он далеко, в нескольких мирах отсюда, — сказал Форнри. — Много раз он через суд добивался того, что на строительство налагали запрет, и работы приостанавливались. Но через некоторое время судья этот запрет снимал.

— Суд налагал запрет на строительство?! — воскликнул Смит. — Неужели вы на основании всех предшествующих обстоятельств возбудили судебное дело?

— Пригласите сюда лейтенанта Чарлза, — сказал Вориш.

Смит вытащил из постели молодого корабельного юриста, и с его помощью они выспросили у Форнри все подробности законных, но безрезультатных действий правительства Лангри против Х. Хэрлоу Уэмблинга.

Это была удивительная и в то же время очень трогательная история. Представительство Федерации, покидая планету, забрало с собой оборудование радиостанции. Когда прибыл Уэмблинг, местные жители ни к кому не смогли обратиться за помощью. И они прекрасно понимали, что ни в коем случае не следует прибегать к насилию. На их счастье, они подружились

с одним из людей Уэмблинга — Форнри не назвал его имя, — и тому удалось связать их с адвокатом, который охотно взялся вести их дело и много раз выступал в суде в их защиту.

— Судебные процессы стоят денег, — заметил Вориш.

Форнри пожал плечами. У правительства Лангри есть деньги. Четыреста тысяч кредиток, которые ему уплатила Федерация, да еще порядочная сумма, вырученная от продажи платиновой руды, которую их друг, работающий у Уэмблинга, сумел контрабандным путем вывезти с Лангри.

— Разве на Лангри есть платина? — спросил Вориш.

— Эту платину нашли не на Лангри, — ответил Форнри.

Вориш забарабанил паццами по столу, затем сказал:

— Вряд ли вам удастся расправиться с Уэмблингом, привлекая его к ответственности через суд. Вы можете время от времени приостанавливать его деятельность, но в конце концов победа будет за ним. И тогда он вам отомстит. Люди такого сорта пользуются огромным влиянием и не ограничены в деньгах.

— Постановление суда, которое налагает запрет на строительство, оттягивает время, — сказал Форнри. — Это время необходимо для осуществления нашего Плана.

Вориш с сомнением взглянул на Смита.

— А вы что думаете по этому поводу?

— Я считаю, что мы должны со всеми подробностями доложить о том, что здесь происходит. В составлении и подписании договора с Лангри принимали участие офицеры военного космолота, поэтому следует оповестить о случившемся Генеральный штаб.

Дни текли своей чередой, и Вориш начинал понемногу понимать всю сущность Уэмблинга. Как мог, он старался избегать с ним встреч, но однажды Уэмблинг все-таки разыскал его, когда Вориш осматривал сторожевые посты.

— Нашу линию обороны придется передвинуть, — сказал Уэмблинг.

Вориш холодно посмотрел на него.

— Почему?

— Через две-три недели мы начнем разбивать здесь площадки для игры в гольф. По эту сторону оборонительной линии останется не больше половины земли, предназначенной для этой цели. А то и меньше. Поэтому следует ее передвинуть. Моим людям опасно работать без охраны. Впрочем, тут нет никакой спешки — это можно сделать и завтра.

— При условии, что вы посвятите меня в свои планы.

Уэмблинг вызвал топографов, и все они отправились в путь под бдительным оком военного конвоя. Они шли на запад вдоль полуострова, который вскоре расширился и стал уже частью материка. Пока они продирались через лесные заросли, взмокший от пота Уэмблинг, подкрепляя свои слова жестами, с наслаждением расписывал, какие он собирается разбить здесь площадки для игры в гольф.

Часом позже Вориш еще раз осмотрел пространство, отведенное под эти площадки, и наотрез отказался выполнить просьбу Уэмблинга.

— В этом месте линия сторожевых постов получилась бы слишком длинной, — заявил он. — У меня не хватит людей. Уэмблинг осклабился.

— Капитану нравится меня разыгрывать. Да ведь у вас людей хоть отбавляй. Вон их сколько там, на берегу.

— Мои люди, как и ваши, работают посменно. Если я всех их назначу часовыми, у них не останется времени для отдыха.

— Мы оба знаем, что вы можете соорудить непроходимый барьер, не заняв ни одного человека.

— И мы оба знаем, что я этого не сделаю. Да и вообще ваши рабочие не нуждаются в том, чтобы их охраняли служащие военного космофлота. Им не грозит опасность.

— Ну что ж. Как вам будет угодно. Но если с ними что-нибудь случится...

— И еще мне хотелось бы знать, — сказал Вориш, — как вы намерены распорядиться с той покинутой жителями деревней, где намечено вырыть восьмую ямку?

Уэмблинг с презрением посмотрел на видневшиеся вдали хижины.

— Я снесу ее. Там никто не живет.

— Этого вы не можете сделать, — сказал Вориш. — Деревня является собственностью аборигенов. На снос вам нужно получить разрешение.

— Чье разрешение?

— Разрешение местных жителей.

Уэмблинг откинул голову и оглушительно расхохотался.

— Пусть они подадут на меня в суд, если им еще не надоело швырять деньги на ветер. Последний процесс стоил им около ста тысяч, а знаете, во сколько оценили нанесенный им ущерб? В семьсот пятьдесят кредиток. Чем скорее они истратят свои деньги, тем скорее от меня отвяжутся.

— Мне приказано охранять местных жителей и их собственность не менее бдительно, чем вас, и то, что принадлежит вам, — сказал Вориш. — Аборигены, конечно, вас не остановят, но я возьму это на себя.

Однако Уэмблинг пропустил это предупреждение мимо ушей, и однажды...

Совершая по утрам обход сторожевых постов, Вориш иногда останавливался и направлял бинокль в сторону деревни, вокруг которой велись работы.

— Надеюсь, вы понимаете, что рискуете нажить неприятности, — сказал ему Смит.

Вориш промолчал. У него было свое мнение об офицерах, чрезмерно пекущихся о собственном благополучии.

— А вот и сам Уэмблинг, — произнес он.

Уэмблинг, за которым по пятам следовали запыхавшиеся телохранители, неся по очищенной от деревьев местности. Навстречу ему вышел прораб. Уэмблинг что-то коротко сказал ему и махнул рукой в сторону деревни. Прораб повернулся к рабочим и повторил этот жест. Не прошло и минуты, как была опрокинута первая хижина.

— Пошли, — сказал Вориш.

Смит подал сигнал команде рядовых космофлота и поспешил за Воришем. Команда первой добежала до деревни и выдвинула из нее людей Уэмблинга. Когда подоспел Вориш, Уэмблинг от бессильной ярости словно окаменел.

Вориш окинул взглядом несколько поваленных хижин.

— Вы получили на это разрешение местных жителей? — спросил он.

— Нет, черт их дери, — сказал Уэмблинг. — У меня заключен договор с Управлением колоний. Что они могут этому противопоставить?

— Арестуйте этих людей, — приказал Вориш и отвернулся.

Уэмблинг отбывал заключение в своей собственной палатке. Вориш приостановил все работы по строительству отеля, отправил в Генеральный штаб военного космофлота подробный доклад об этом происшествии и стал ждать, что за этим последует.

Он не мог разгадать причину равнодушия, с которым штабисты отнеслись к его докладу о положении на Лангри. То ли кто-нибудь отправил этот документ в архив как не заслуживающий внимания, то ли члены правительства, получив взятки, тайно сговорились это дело замять. В любом случае это несправедливо и противозаконно. Аборигенам нужно время для осуществления какого-то их замысла, который они называли Планом. А Воришу — для того, чтобы привлечь внимание влиятельных кругов к происходящим здесь событиям.

Теперь, когда остановились строительные работы, Вориш с удовольствием наблюдал, как арестованный им Уэмблинг слал отчаянные телеграммы разным высокопоставленным лицам, заседающим в правительстве Федерации.

«Посмотрим, — удовлетворенно сказал себе Вориш, — как они на этот раз отмахнутся от проблем Лангри».

Через три недели Генеральный штаб проявил наконец признаки жизни. Правда, несколько странные. На Лангри была послана 984-я эскадра под командованием Эрнста Диллингера, которого к этому времени произвели в адмиралы. Сам же Вориш был отозван с Лангри, чтобы предстать перед военным трибуналом.

4

Диллингера раздражало плюшевое великолепие огромного кабинета. Только вчера он поддался на уговоры Уэмблинга и занял апартаменты в полностью отстроенном крыле отеля и теперь большую часть времени вышагивал вокруг стола, на котором лежала куча документов, ждавших, когда он примется за работу.

Ему покоя не давала мысль о том загадочном нечто, которое местные жители называли Планом и которое, как они намекали, сметет с лица планеты Уэмблинга с его отелями и рабочими.

А если учесть, что отель «Лангри» через два-три месяца откроется и примет первых постояльцев, и уже начаты работы по строительству еще двух отелей, изгнать Уэмблинга законным путем невозможно. Что же тогда намерены предпринять аборигены?

ригены? Изгнать его вопреки закону? Применить силу, когда на планете находится целая эскадра военных космолетов?

Щелкнул интерком.

— К вам мистер Уэмблинг, сэр.

— Впустите его, — сказал Диллингер и повернулся к двери.

Уэмблинг вошел развинченной походкой и протянул руку.

— Доброе утро, Эрн.

— Доброе утро, Ховард, — отозвался Диллингер, у которого зарябило в глазах от дикой расцветки Уэмблинговой рубашки.

— Какие вести о капитане Ворише? — спросил Уэмблинг.

— Он отправился на «Хилне» проводить маневры — это последнее, что я о нем слышал.

— Значит... его не уволили?

— Было проведено расследование, — с улыбкой ответил Диллингер. — Но кончилось оно тем, что ему была объявлена благодарность за находчивость, которую он проявил в сложной обстановке. Мне думается, что любое действие, направленное против него, получило бы огласку, а для кого-то эта огласка нежелательна. Впрочем, я, разумеется, ничего не смыслю в политике и законах. А вам хотелось, чтобы Вориша уволили?

Уэмблинг задумчиво покачал головой.

— Нет. Я не затаил на него зла. Злость не приносит дохода. Перед каждым из нас стояла своя задача, но его занесло не в ту сторону. Мне хотелось только одного — наладить работу, и когда он отбыл отсюда, я обратился в соответствующие инстанции с настоятельной просьбой, чтобы с ним обошлись помягче. Однако я думал, что его все-таки вышвырнут из космофлота, и если б мое предположение оправдалось, я хотел, чтобы он вернулся сюда, на Лангри. Как я понял, он нашел общий язык с аборигенами, а такой человек мог бы мне пригодиться. Я порекомендовал ему связаться с моей конторой в Галаксии. Его б сюда сразу переправили. Но я не получил о нем никаких сведений.

— Так вот, его не уволили. Когда вы с ним встретитесь следующий раз, возможно, он уже будет адмиралом, — сказал Диллингер с неприязнью.

Когда Уэмблинг ушел, в кабинет Диллингера вошел Протц, теперь уже капитан «Рирги», флагманского корабля 984-й эскадры. Диллингер кивнул ему и проговорил в рупор интеркома:

— Проследите, чтобы меня не беспокоили. — Он выключил интерком и повернулся к Протцу: — Так что же?

— Этот космолет определенно не разбился, — ответил Протц. — По словам часового, он по всем правилам шел на посадку и должен был сесть где-то в глубине леса. У Уэмблинга не пропало ни одного грузового космолета, а мы, в свою очередь, точно знаем, что этот корабль не наш. Разведывательные самолеты прочесывают этот участок на уровне верхушек деревьев и ничего не могут обнаружить.

— Выходит, это не космолет Уэмблинга, — проговорил Диллингер.

С той минуты, когда сегодня на рассвете он получил первое донесение о неизвестном космолете, его не оставляла мысль, что этот корабль должен принадлежать Уэмблингу. Он повернулся на стуле и посмотрел в сторону моря.

— Значит, к аборигенам пожаловали гости.

— И этих гостей ждали, — сказал Протц. — Они вмиг замаскировали корабль. Не исключено, что они даже вырыли там посадочную шахту.

— Контрабанда оружия? — спросил Диллингер.

— Если бы... У нас тогда появился бы интерес к этому заданию. Разведке удалось что-нибудь выяснить?

— К восьми утра никаких сведений не поступило. Хотите, чтобы провели наземный поиск?

— Для этого понадобится слишком много людей. А если у них там посадочная шахта, то и наземный поиск может ее не обнаружить. И вообще уже слишком поздно. Они успеют разгрузить космолет. Нет. Пусть этим занимается разведка. Если потребуется, дайте им еще несколько человек.

— Какие распоряжения помимо этого?

— Готовьтесь к худшему, Протц. Из всех заданий, которые я получал от командования военного космолота, это самое неприятное. Я надеялся, что мне удастся выполнить его, не сделав ни одного выстрела по аборигенам. Я предпочел бы пристрелить Уэмблинга.

«Это дело с самого начала велось неправильно», — подумал Диллингер. Вполне вероятно, что адвокат, которого наняли аборигены, специалист достаточной сведущий — это признавал даже сам Уэмблинг, которого тот не раз ставил в затруднительное положение. И тем не менее сейчас Уэмблинг уже завершает отделку отеля «Лангри».

Главное оружие Уэмблинга — его влияние в политических кругах. Бороться с этим следует опять-таки с помощью политики, а не на судебном заседании. Однажды он попытался объяснить это Форнри, но абориген явно остался равнодушен к его словам. Вот осуществится их План, сказал тогда Форнри, и все станет на свои места. Судя по всему, он совершенно не понимал, что время упущено и уже ничего не предпримешь.

Диллингер считал, что, узнай он вовремя, как обернулось дело с Лангри, он смог бы, умело используя документально обоснованную информацию, положить конец этому беззаконию.

Но он узнал об этом только тогда, когда, встретившись с адмиралом Корнингом, принял командование размещенными на Лангри силами военного космолота. И сделал все, что было в его возможностях. Он приказал подготовить сто экземпляров донесения о положении на Лангри и к каждому из них приложил фотокопию оригинала договора. Но он не рискнул доверить эти документы обычным каналам связи, и, чтобы переслать их в штаб, ему пришлось ждать, пока один из его офицеров не отбыл в отпуск. Сейчас они, вероятно, в руках тех, кому были адресованы, их подробно изучают, проведут расследование, и со временем будут приняты какие-то меры. Но уже слишком поздно. Уэмблинг отхватит свой жирный кусок, да, возможно, на Лангри набросятся и другие стервятники, вооруженные договорами с Управлением колоний, и продолжат грабеж.

К вечеру Диллингер позвонил Уэмблингу.

— Ваши люди все время совершают полеты над материком, — сказал он. — Они не заметили ничего необычного в поведении местных жителей?

— Пока мне ни о чем таком не докладывали, — ответил Уэмблинг. — Хотите, чтобы я навел справки?

— Было бы желательно.

— Тогда немного подождите.

Он услышал, как Уэмблинг что-то приказал резким тоном, и тут же спросил, уже обращаясь к Диллингеру:

— Вы думаете, местные жители что-то затевают?

— Я это знаю точно, только не могу догадаться, что именно.

В лунном свете планета Лангри была бы чарующе прекрасна, но у нее не было луны.

Вглядевшись во мрак, Диллингер увидел огоньки. В каждой деревне пылали костры. Кое-где их свет сливался в одно ослепительное пятно. А там, где расстояние между кострами было побольше, они выглядели вкрапленными в черноту сверкавшими точками.

— По-вашему, это явление необычное? — спросил Диллингер пилота-разведчика.

— Безусловно, сэр. Они готовят пищу в сумерках, когда возвращаются рыболовные суда. А как только они с этим управятся, можно облететь все побережье, не увидев ни искорки света, если не считать, конечно, тех мест, где расположились наши люди и люди Уэмблинга. Я ни разу не заметил, чтобы в такой поздний час у аборигенов горел хоть один костер.

— Жаль, что мы мало знаем об этих аборигенах, — произнес Диллингер. — Единственный местный житель, с которым я беседовал, — это Форнри, а он всегда очень сдержан. Не догадываешься, о чем он думает. Управлению колоний надо бы прислать сюда специалистов, которые занялись бы изучением этого народа. К тому же не мешало бы оказать аборигенам помощь. Их улов еще больше оскудеет, когда толпы туристов Уэмблинга ринутся в море рыбачить. В недалеком будущем им не сбойтись без выращивания каких-нибудь сельскохозяйственных культур. А вы, Протц, как расцениваете необычное поведение аборигенов?

— За этим что-то кроется, но будь я проклят, если знаю что.

— Я могу сделать кое-какие выводы, — сказал Диллингер. — Дело обстоит так: утром на планету садится неизвестный космолет, а позже, уже ночью, все местные жители бодрствуют, они к чему-то готовятся. Пожалуй, нам стоит самим принять кое-какие меры и быть наготове.

Донесение разведки, поступившее на рассвете, фактически не содержало ничего нового. За исключением этих костров, докладывать разведчикам было не о чем.

— Ступайте к Уэмблингу, — сказал Диллингер Протцу. — Велите ему освободить от работы всех своих людей, и пусть они безвылазно сидят в бараках. Чтоб ни один не попался мне на глаза. Это относится и к самому Уэмблингу.

— Ну и взвоят же он!

— Не советую ему соваться ко мне с жалобами. Знай мы

аборигенов получше, может, нам удалось бы взглянуть на создавшееся положение их глазами. Я почему-то не могу себе представить, чтобы они совершили на нас вооруженное нападение. Они ведь понесут большие потери в живой силе и ничего не добьются. Уверен, что они знают это не хуже нас. Скажите, что бы вы сделали, если б были местным жителем и захотели остановить работу, которую развернул здесь Уэмблинг?

— Я бы убил Уэмблинга.

Диллингер с отвращением стукнул ладонью по столу.

— Что ж, приставьте к нему еще одного вооруженного охранника.

— А что сделали бы вы?

— Я бы подложил в отели какую-нибудь взрывчатку, выбрав наиболее подходящие для этого места. Если б это и не остановило строительство, то, во всяком случае, надолго бы отсрочило торжественное открытие отелей, которого так ждет Уэмблинг. Понимаете...

— Пожалуй, ваш вариант получше, — сказал Протц. — В этом больше смысла, чем в открытом нападении. Я расставлю вокруг зданий дополнительные защитные устройства.

Диллингер встал и подошел к окну. Рассвет, как всегда, щедро одарил Лангри красотой. В лучах поднимавшегося над горизонтом солнца синело спокойное море. А за косой...

Диллингер вполголоса выругался.

— В чем дело? — спросил Протц.

— Взгляните-ка. — Диллингер указал на море.

— Я ничего не вижу.

— А где рыбацьи лодки?

— Их там нет.

— С тех пор как мы находимся на этой планете, не было дня, чтобы местные жители не рыбачили с лодки в море за косой. Пошлите на разведку самолеты. Тут явно что-то не так.

Через полчаса они получили сообщение от разведчиков. Все имевшиеся на Лангри рыбацьи лодки были вытащены на берег. Аборигены почему-то решили в этот день не работать.

— У меня впечатление, что они собираются в самых населенных деревнях, — сказал офицер разведки. — Больше всего их сейчас в деревне А7, — как вы знаете, это деревня Форнри. Значительные скопления аборигенов наблюдаются также в деревнях В9, Д4, Ф12 — словом, вдоль всего побережья. И повсюду горят костры.

Диллингер внимательно всматривался в фотокарту, а офицер обводил кружками цифры, обозначающие деревни.

— При таком положении вещей, — произнес Диллингер, — нам остается только одно — отправиться туда и поговорить с Форнри.

— Сколько вам нужно сопровождающих? — спросил Протц.

— Нас будет двое — вы да я. И еще пилот.

Они снизились по касательной и мягко сели на береговой песок. Пилот остался в самолете, а Диллингер и Протц под-

нялись по пологому склону к деревне, проходя сквозь толпы местных жителей. Недоумение Диллингера росло с каждым шагом. Здесь и намека не было на какую-нибудь зловещую конспирацию. У аборигенов было праздничное настроение; одетые в яркие одежды, они радостно смеялись и пели, собравшись вокруг костров. И пели на галактическом языке — загадка, над которой Диллингер не переставал ломать себе голову. Аборигены почтительно расступались, давая им дорогу, но в остальном, если не считать робких взглядов, которые исподтишка бросали на них дети, местные жители не обращали на Диллингера и Протца никакого внимания.

Они подошли к крайним хижинам и остановились. Аппетитные запахи праздничных блюд напомнили Диллингеру, что он сегодня не завтракал. На другом конце улицы рядом с самой большой хижиной, выстроившись в очередь, спокойно стояли мужчины и женщины. Диллингер, не зная, как быть дальше, ждал, когда его присутствие будет замечено местными властями.

Внезапно появился Форнри и пожал протянутую Диллингером руку.

— Вы оказываете нам честь, — произнес Форнри, но его лицо, всегда такое бесстрастное, сейчас отражало какое-то чувство, характер которого Диллингер затруднялся определить. Был Форнри рассержен или испытывал неловкость?

— Могу я поинтересоваться, какова цель вашего визита? — спросил он.

Диллингер посмотрел на Протца. Тот пожал плечами и отвел взгляд.

— Я прибыл, как... наблюдатель, — запнувшись, ответил Диллингер.

— Прежде вы не вмешивались в жизнь моего народа. А теперь собираетесь занять другую позицию?

— Нет. Я здесь не для того, чтобы вмешиваться в ваши дела.

— Но ваше присутствие нежелательно. То, что сейчас здесь происходит, вас не касается.

— Меня касается все, что происходит на Лангри, — сказал Диллингер. — Я прилетел, чтобы узнать, что у вас здесь делается. И я намерен это выяснить.

Форнри круто повернулся и зашагал прочь. Диллингер видел, как его окружило несколько молодых аборигенов. Держались они спокойно, но в них чувствовалась необычная собранность.

Форнри вернулся. Ему явно было не по себе — сейчас на этот счет не могло быть двух мнений. С серьезным выражением в глазах он посмотрел на Диллингера в упор и сказал:

— Мы знаем, что вы друг нашего народа и, когда могли, помогали нам. Это мистер Уэмблинг наш враг. Если он узнает, он попытается помешать нам.

— Мистер Уэмблинг не станет вмешиваться в ваши дела, — сказал Диллингер.

— Тогда все в порядке. Видите ли, у нас сейчас идут выборы.

Диллингер почувствовал, как Протц крепко сжал ему руку, и тупо повторил:

— Выборы?

Форнри с гордостью пояснил:

— Мы выбираем делегатов на съезд, который выработает и обсудит нашу конституцию.

Идиллическая обстановка. Поляна с видом на море. Женщины, занятые подготовкой к пиршеству. Граждане, спокойно ожидающие, когда подойдет их очередь войти в сплетенную из травы кабину для голосования. Демократия в действии.

— Когда конституция будет одобрена, — продолжал Форнри, — мы выберем правительство. А потом обратимся в Галактическую Федерацию Независимых Миров с официальным заявлением о принятии нас в ее члены.

— Есть такой закон? — спросил Протц.

— Есть, — ответил Форнри. — Мы следуем совету нашего адвоката. Главное условие — пятьдесят процентов населения планеты должно быть грамотно. А у нас сейчас грамотных более девяноста процентов. Как видите, мы могли заняться этим и раньше, но нам не было известно, что требуется только пятьдесят процентов.

— Вас нужно поздравить, — сказал Диллингер. — Если ваша просьба о принятии Лангри в члены Федерации будет удовлетворена, я полагаю, ваше правительство заставит Уэмблинга покинуть планету, верно?

— Лангри должна принадлежать нам. В этом суть нашего Плана.

Диллингер протянул Форнри руку.

— От души желаю вам удачи в проведении выборов, а также положительного ответа на ваше заявление о приеме в члены Федерации.

Взглянув в последний раз на очередь у кабины для голосования, они повернулись и медленно пошли назад к самолету. Протц что-то насвистывал и потирал руки.

— А ведь Уэмблингу конец, — сказал он.

— Мы хоть раскрыли тайну этого неизвестного космолета, — произнес Диллингер. — На нем сюда прибыл их адвокат, чтобы посоветовать, как им действовать дальше, и помочь выработать конституцию. Но вы ошибаетесь, если думаете, что это прикончит Уэмблинга. В нашей Галактике разделиться с такими уэмблингами не очень-то просто. Его это не застигнет врасплох. Я почти уверен, что он этого ждал.

— А какие он может предпринять контрмеры?

— Ни один суд не заставит его отдать то, чем он уже владеет. Аборигены могут воспрепятствовать захвату других земельных участков, но те, где уже идут работы, останутся в его собственности. Право владения ими даровано Уэмблингу Федерацией. Быть может, чтобы соединить воедино строительные участки, он пожелает завладеть еще сотней миль побережья. Если ему это не удастся, все равно его участки достаточно велики, чтобы выстроить на них колоссальный курортный комплекс. А земля, на которой разбиты площадки для игры в гольф, тоже ведь обработана, и там хватит места для сотни отелей, если он вздумает их строить. Он выпустит в море великое

множество рыболовов-любителей и обрекает местных жителей на голодную смерть. — Диллингер оглянулся на деревню и с грустью покачал головой. — Вы сознаете, какое это громадное достижение? Девяносто процентов населения грамотно. Сколько же им пришлось потрудиться! А они потерпели поражение еще до того, как занялись этим. Бедняги.

5

«Обычно лесная тропа извилиста, — думал Диллингер. — Она огибает деревья, заросли кустарника, как правило, пролегает там, где меньше препятствий. А эта тропа не вьется, она так пряма, будто ее проложил разведчик. И тропа эта старая, по ней много хожено. Должно быть, деревья тут были когда-то срублены, но от пней даже следа не осталось».

Впереди него убийственно ровным шагом, не оглядываясь, шли Форнри и несколько молодых аборигенов. Они оставили позади добрых пять миль, а тропе, казалось, не будет конца. Диллингер взмок от пота и уже порядком устал.

Этим утром Форнри пришел к нему в отель «Лангри».

— Нам бы хотелось, чтобы вы пошли с нами, — сказал он. — Вы один.

И Диллингер пошел.

Отель «Лангри» опустел. Завтра на рассвете 984-я эскадра уйдет в космос, где ей и положено быть. Уэмблинг со своими рабочими уже покинул отель. Планета Лангри возвращена ее законным хозяевам.

До чего ж он был прост, этот План, придуманный аборигенами, — прост до абсурда и безотказно разрушителен. Вначале аборигенами было послано заявление о принятии Лангри в члены Федерации, которое, к счастью, прибыло в Галаксию в самый разгар невероятной шумихи, вызванной анонимными письмами Диллингера, в результате чего произошел правительственный переворот, поднялся переполох в Управлении колоний и Департаменте военно-воздушного флота; отзвуки этих событий разнеслись по всей Федерации и достигли такой далекой планеты, как Лангри, куда вскоре прибыла комиссия для срочного расследования дела на месте.

Заявление правительства Лангри рассмотрели без всяких проволочек, и планета была единогласно принята в члены Федерации.

Но Уэмблинг и бровью не повел. Его адвокаты взялись за дело еще до того, как был закончен подсчет голосов, и постановление суда обязало правительство аборигенов признать за Уэмблингом право собственности на те земельные участки, где он уже развернул строительные работы. Правительство Лангри не стало спорить и восприняло это так благодушно, что Уэмблинг предъявил иск еще на несколько сотен акров земли. Это тоже не вызвало у местных властей и намека на протест.

Но тут последовал столь ловкий ход, что его не предусмотрел даже сам Уэмблинг.

Налоги.

Диллингер был свидетелем того, как Форнри от имени пра-

вительства Лангри вручил Уэмблингу первую налоговую квитанцию. Уэмблинг орал до хрипоты, бил кулаком по столу, клялся, что возбудит дела во всех судах Галактики, но потом обнаружил, что, как ни странно, суды не встали на его защиту.

Если выбранное народом Лангри правительство пожелало обложить недвижимую собственность ежегодным налогом, равным ее десятикратной стоимости, это его законное право. Уэмблингу не повезло в том, что ему принадлежала единственная на планете собственность, с которой имело смысл взимать налог. Десятикратная стоимость травяной хижины ничтожна, чуть выше нуля. Сумма, равная десятикратной стоимости отелей Уэмблинга означает полное разорение их владельца.

Судьи согласились с мнением Уэмблинга, что эта акция правительства Лангри неразумна. Она отобьет у населения охоту заниматься строительством, затормозит развитие промышленности и станет серьезным препятствием на пути прогресса. Но со временем народ Лангри, несомненно, поймет это и воспользуется своим правом избрать другое правительство, которое выработает менее жесткое налоговое законодательство.

А пока что Уэмблинг должен уплатить налог.

Ему оставалось одно из двух: либо отказаться от уплаты налога и понести огромные убытки, либо уплатить его и полностью обанкротиться. И он предпочел не платить. За неуплату налогов правительство конфисковало его собственность, и таким образом вопрос, обостривший ранее положение на планете Лангри, был решен, что удовлетворило всех, кроме Уэмблинга и его покровителей. В отеле «Лангри» было решено разместить школу и университет для детей аборигенов. Еще один отель предполагалось занять под правительственные учреждения. Аборигены пока еще не знали, как распорядиться со зданием третьего отеля, но Диллингер не сомневался, что они используют его с умом.

Тропа вывела их на огромную поляну, покрытую густым ковром травы и цветов. Диллингер остановился, огляделся вокруг, но, не увидев ничего примечательного, поспешил за аборигенами дальше.

У противоположного края поляны начиналась другая тропа, но вскоре она уперлась в груды камней — вероятно, то был какой-то опознавательный знак. А позади нее лежал тронутый ржавчиной и густо оплетенный ползучими растениями старый разведывательный космолет, который был полускрыт ветвями возвышавшихся над ним деревьев.

— Когда-то один из вас прилетел сюда и остался жить с нами, — сказал Форнри. — Это его корабль.

Аборигены стояли, заложив за спину руки и почтительно склонив головы. Диллингер молчал, стараясь угадать, чего от него ждут. Наконец он спросил:

— На корабле был только один человек?

— Только один, — ответил Форнри. — Мы часто думали о том, что, наверное, есть люди, которым хотелось бы узнать, как сложилась его жизнь. Может, вы им расскажете о нем.

— Может, и расскажу, — сказал Диллингер. — Посмотрим.

Он продрался сквозь густой подлесок и обошел вокруг космолета, отыскивая глазами его название или номер. Ни того, ни другого не оказалось. Дверь тамбура была прикрыта. Разглядывая ее, Диллингер остановился.

— Можете войти, если хотите, — сказал Форнри. — Мы храним там его вещи.

Диллингер поднялся по шаткому трапу и, спотыкаясь, прошел темный коридор. В рубку просачивался слабый свет, и все здесь казалось каким-то призрачным. На столе перед пультом управления лежала разная мелочь, предметы личного пользования, толстые тетради, кипы бумаг.

Первая тетрадь, которую он раскрыл, оказалась дневником. Дневником Джорджа Ф. О'Брайена. Начало записей, сделанных карандашом, до такой степени стерлось, что прочесть их было крайне трудно. Диллингер прихватил тетради и отдельные пачки бумаг, вышел через тамбур наружу, сел на ступеньку трапа и принялся перелистывать страницы.

Там был подробный отчет о первых годах пребывания О'Брайена на этой планете — с тех пор минуло уже более ста лет. Потом записи стали менее регулярными, а даты указывались приблизительно, ибо О'Брайен утратил представление о времени. Диллингер прочел одну тетрадь, нашел следующую и продолжил чтение.

«Да он всего-навсего заурядный пират, — думал Диллингер. — Пират, разгулявшийся на чужой планете, шнырявший повсюду в поисках драгоценных металлов и развлекавшийся гаремом местных женщин. Конечно же, это не тот человек, который...»

Мало-помалу все менялось — О'Брайен постепенно сроднился с аборигенами, сам почувствовал себя местным уроженцем, и пришло время, когда он всерьез задумался о будущем. В его записях был краткий точный перечень тех благоприятных природных условий на Лангри, которые располагали к тому, чтобы превратить планету в огромный курорт, — этот раздел точно писал сам Уэмблинг. Далее шло предостережение, какая страшная судьба может в этом случае постигнуть аборигенов. «Но если я еще буду жив, — писал О'Брайен, — думаю, что до этого не дойдет».

А если он умрет?

«Тогда аборигенов следует научить, как себя вести. Нужно выработать План. Вот что должны знать местные жители».

Галактический язык. Функции и структуру правительства. Межпланетные отношения. Историю. Экономику, торговлю и назначение денег. Политику. Право и колониальное законодательство. Основы наук.

«Да не мог он быть один, этот человек! — про себя воскликнул Диллингер. — Не мог, и все тут!»

Первое посещение планеты — возможно, это будет разведывательный космолет. Принять меры по наблюдению за ним, арестовать экипаж. Переговоры. Перечень правонарушений и штрафов. Как добиться статуса независимости и приема в члены Федерации. Какие принять меры, если статус независимости будет нарушен.

— Не мог он быть один!

Все было предугадано и старательно записано в тетрадь человеком прозорливым, мудрым и терпеливым. Это был блестящий прогноз, без единого упущения или ошибки, разве что в нем не было названо имя «Уэмблинг». И вообще у Диллингера создалось впечатление, что О'Брайен знал жизнь куда лучше, чем несколько Уэмблингов его времени, вместе взятых. Тут было описано все, что произошло позже, вплоть до последнего мастерского хода — налога на отели в размере их десятикратной стоимости.

Диллингер закрыл последнюю тетрадь, отнес бумаги назад в рубку и аккуратно разложил вещи на столе в том порядке, в каком они были. Наступит день, когда у народа Лангри появятся свои историки. Они изучат и проанализируют эти документы, и имя О'Брайена начнет кочевать по Галактике в написанных сухим языком фолиантах, читаемых одними лишь историками. Нет, этот человек заслужил большего.

Но, может, на Лангри память о нем будет жить долго в устных преданиях. Может, и сейчас местные жители, сидя вокруг костров, рассказывают легенды о деяниях О'Брайена и повторяют некогда сказанные им слова. А может, и нет. Чужаку трудно вникнуть в такие тонкости, особенно если он офицер военного космофлота. Это дело специалистов.

Диллингер бросил прощальный взгляд на лежавшие на столе незатейливые реликвии, сделал шаг назад и по всей форме отдал честь.

Он вышел из космолета и заботливо прикрыл дверь тамбура. Здесь, в глубине леса, сумерки сгустились быстро, но аборигены терпеливо ждали его, стоя в тех же почтительных позах.

— Надо думать, вы прочли те записи, — произнес Диллингер.

Казалось, Форнри даже испугался.

— Нет!..

— Понятно. Так вот, все, что можно было узнать о нем, я узнал. Если еще жив кто-нибудь из его родственников, я постараюсь поставить его или ее в известность о том, что с ним произошло.

— Благодарю вас, — сказал Форнри.

— А не прилетал ли сюда еще кто? Не жил ли с вами еще кто-нибудь, кроме него?

— Нет, только он один.

Диллингер кивнул.

— О'Брайен был поистине великий человек. Не уверен, что вы до конца это понимаете. Мне думается, спустя какое-то время именем О'Брайена у вас будут названы деревни, улицы, здания и тому подобное. Но он заслужил памятник по-настоящему грандиозный. А не стоит ли именем человека, которого вы знали и чтили, назвать планету? Вам следовало бы назвать свою планету О'Брайен.

— О'Брайен? — переспросил Форнри. Он непонимающе взглянул на остальных аборигенов, потом снова повернулся к Диллингеру: — О'Брайен? А кто он такой, этот О'Брайен?

Перевела с английского Светлана ВАСИЛЬЕВА